

Владимир СИЛЛОВ

Революция духа

(Ницше и Маяковский)

В. В. Маяковский: pro et contra / Сост., вступ. статья, коммент. В. Н. Дядичева. -- СПб.: РХГА, 2006. (Русский Путь).
OCR Бычков М. Н.

"Какие наглецы", -- скажут некоторые,

"Они святые" -- возразят другие.

В. Хлебников

Все творчество Ницше есть предчувствие и пророчество о наступлении новой эры в жизни человечества; об окончании и начале тех эпох, которые меряются тысячелетиями. Ницше бросил свои предсказания с закрытыми глазами, не ощущая еще явно революции духа, долженствующей произойти на переломе. Как бы в подтверждение Ницше, в России раздалось громовое напоминание о великом перерождении человечества. Этим напоминанием явилось творчество гениального поэта Маяковского.

Ницше указал человечеству громадные пути, ожидающие его, но сам он не вступил на эти пути, потому что Ницше не был деятелем; он, глубоко моральный немецкий буржуа, проповедывал аморальность.

Маяковский -- исполнение проповеди Ницше; он разрушает нравственность не проповедью, а самим собой, потому что он сам:

Площадный сутенер
и карточный шулер.

Ницше говорил о "часе великого презрения", когда отвратительными покажутся нам наше счастье, разум и добродетель и в особенности добродетель, потому что она еще "никого не довела до неистовства". Маяковский и есть этот "час великого презрения"; с негодованием отбрасывает он от себя бутафорию старого мира: честность, христианское мироощущение, Бога, нежность...

Первым чувством освобожденного человека является сознание своей необычайной ценности. Очеловечивание мира, -- назвали бы мы это чувство. Ницше утверждает, что величайшая ценность -- оценка человека самим собой; Маяковский, разрушив психологию человека старого мира, бывшего только "средней формой" между растением и провидением, кричит о новом, у которого каждое движение "огромное необъяснимое чудо". Маяковский берет обыденное, каждодневно-привычное, и волшебным движением "изумительного комка" -- сердца, претворяет обыденность в чудо, в праздник живого человека, у которого каждая клетка кричит и поет о своем существовании. И чем же еще быть человеку, как не сплошной песней и натянутой струной, когда солнце светит только для него, когда в день его рождения (а не Божьего) должна загореться звезда нового Вифлеема.

Когда Заратустра пошел проповедывать о сверхчеловеке, он встретил в саду пустытника, который "смехом, пением, плачем и ворчанием" славил Бога. Заратустра сказал: "этот святой старец еще ничего не слышал в своем лесу о том, что боги умерли".

Боги умерли...

Это формула, значок, но не активное выступление против вечного противника -- человека. Вера в Бога основана на чувстве и только ударом по чувству же можно ее уничтожить.

Маяковский делает страшный, по своей наивности и бессознательной полноте удара, подход к религии; он никогда не говорит, что "боги умерли"; наоборот, он оживляет Бога, реализует его до полного телесного воплощения: